

РОДИТЕЛИ - ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ РЕБЕНКА

АЛЬМАНАХ РОДИТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 3

умелыми руками она создавала уют в доме, и это не могло не повлиять на меня! Я научилась шить, вязать, создавать изделия в технике пэчворк. Папа умел рисовать. Он поощрял мое стремление к обучению сначала в художественной школе, а затем и в художественном училище.

Мои родители воспитывали меня большей частью своим примером. Я считаю, это более действенно, нежели просто слова. Родители научили меня создавать красивое своими руками и видеть красоту окружающего мира!»

Копченко Людмила Михайловна – преподаватель Фроловской детской школы искусств, заведующая хоровым отделением, руководитель академического хора учащихся и вокального ансамбля «Камертон» рассказала: «Моя профессия была предназначена мне еще в детстве. Ни о чем другом, как о творчестве, я никогда и не задумывалась. С детства меня окружал мир искусства, я училась на фортепианном отделении в музыкальной школе и занималась балетом. Дедушка играл на аккордеоне, бабушка с удовольствием пела. А мама с папой – профессиональные музыканты. И сейчас, оба уже в преклонном возрасте, они продолжают работать в музыкальной школе в г. Волгограде. Папа большую часть творческой жизни руководил детским оркестром русских народных инструментов, а также был преподавателем по классу домры, балалайки, гитары.

Я унаследовала мамину профессию – стала преподавателем хоровых дисциплин. И до сих пор, мама для меня является наставником и примером для подражания. Она и сейчас руководит известным в Волгограде детским славянским фольклорным ансамблем «Праlesки», который является лауреатом многочисленных конкурсов. С детства помню конкурсы и концерты, в которых принимал участие наш хор под руководством моей мамы.

Стремление к творчеству родители передали не только мне, но и моей младшей сестре, которая вот уже много лет работает в музыкальном театре г. Волгограда.

Мы с мужем, можно сказать, тоже творческая семья. Профессия мужа хоть и не связана с искусством, сам он много лет занимался бальными танцами. Любовь к хореографии и вокальному творчеству мы передали своим сыновьям. Они оба, кто прямо, а кто косвенно, связали свою жизнь с творчеством.

Я считаю, что родители играют очень важную роль в воспитании своих детей. И тому пример наша семья».

КАК Я НЕ СТАЛА МУЗЫКАНТОМ

*М.Д. Кабалевская, главный редактор журнала
"Учитель музыки", г. Москва, Россия*

Считается, что правильное воспитание должно быть незаметным и ненавязчивым. В идеале ребенок учится и воспитывается, глядя на окружающих и беря с них пример. Классический случай – система воспитания в Японии, где до шести лет детям позволено все, но всю оставшуюся жизнь они проводят в жестких рамках норм, правил и обычаев.

Но существует целый ряд специальностей, в которых – если хочешь чего-то добиться, – надо начинать заниматься с раннего возраста. Например, музыка. Даже, если подразумевается, что будущий музыкант не станет исполнителем, а, например, театральным критиком, ему не миновать музыкальной школы, училища и музыкального вуза и, естественно, такого предмета, как «общее фортепиано». Много ли детей в пять–шесть лет с упоением учат гаммы? Только те, кто по-настоящему талантлив. Я талантлива не была, я была просто способна в силу объективных причин, так сказать, генетической наследственности.

Отец всегда занимался со своими учениками дома. Моя детская кроватка стояла за стеной папиного кабинета, и изголовье приходилось точнехонько на то место, где с другой стороны стены находилась клавиатура папиного рояля. В отсутствие учеников, естественно,

папа сочинял музыку или репетировал с исполнителями. Поэтому все мои воспоминания с самого раннего детства мысленно проходят на фоне музыки. Достаточно долгое время мне, ребенку, даже не приходила в голову мысль о том, что кто-то живет по-другому.

И вот здесь судьба сыграла со мной злую шутку. Дело в том, что к папе никогда не приводили детей, которые не любили музыку и занимались бы из-под палки. Я уже не говорю о подростках-учащихся музыкальных школ и студентах консерватории. Все они благоговели перед музыкой и готовы были играть, играть и играть бесконечно. Они вырастили, женились и выходили замуж и приводили своих детей снова в наш дом уже в качестве родителей и начинался новый виток их взаимоотношений с моим папой. Отношения эти длились десятилетиями, иногда переходили в дружеские, мои родители бывали в курсе семейных событий бывших и настоящих учеников...

Естественно, подразумевалось всеми, что и я пройду тот же путь в том смысле, что начну заниматься музыкой, получу профессиональное музыкальное образование и...

И этого не случилось.

Когда мне исполнилось восемь лет, моя мама отвела меня к Верне Викторовне Чертовой, в классе которой в свое время занималась она сама и ее старшая сестра. Поскольку яросла более чем болезненным ребенком, мама разумно рассудила, что для начала мне будет полезно позаниматься частным образом, но у «действующего» педагога.

*Фото 1. Класс Верны Викторовны Чертовой. 1923 г.
Сидит вторая справа Ляля Чегодаева (Кабалевская), в первом ряду
третья слева – Нора Чегодаева.*

Мама была любимицей Веры Викторовны, и меня она приняла самым лучшим образом. Но при этом я все-таки стала ее ученицей, и со мной не надо было носиться как с писаной торбой. Напротив – меня надо было учить, как следует, чтобы потом за меня не было стыдно (по-прежнему подразумевалось мое последующее музыкальное образование!). А что значит «как следует»? Прежде всего, ребенка надо было приучить приносить на урок выученное домашнее задание, иными словами – выученные ноты. А как их можно выучить, если не при помощи простого повторения? Ведь обыкновенные стихи мы учим точно так же, правда? Поэтому в моей тетрадке для записи домашних заданий Вера Викторовна стала писать «Пьеса такая-то. Десять раз правой рукой, десять раз левой, пять раз обеими руками». Надо ли удивляться, что такому избалованному ребенку, как я, такое не понравилось!

Мама мои слезы выдержала пару месяцев и обратилась за помощью к папе, что оказалось роковой ошибкой.

Позицию папы по отношению к детям можно сформулировать следующим образом: «Ребенок должен заниматься только тем, что приносит ему радость». А тут я со своими слезами и упрямством и избалованностью. Заставлять?! Нет, невозможно и даже не обсуждается. А зря! Ну и что, что в тетрадке записано про «десять раз правой рукой и десять раз левой»? Конечно, это далеко от творчества, но о каком творчестве тогда могла идти речь?!

*Фото 2. Мария Кабалевская с папой,
Дмитрием Борисовичем Кабалевским (1959г.)*

Наверное, приученность к методичным занятиям со столь раннего возраста оказала бы мне добрую услугу и в обычной жизни. Не претендую на аналогии с Моцартом, я все-таки думаю, что, наверное, меня надо было меньше жалеть и строже ко мне относиться. Короче говоря, от Веры Викторовны меня забрали.

Разумеется, на этом мое музыкальное образование не закончилось, просто оно приобрело другие формы. Папа сумел все-таки заинтересовать меня занятиями музыкой. Правда, поначалу я играла «с рук», то есть папа играл, а я легко запоминала и повторяла. Конечно, это неправильно с методической точки зрения, и мимо меня прошло сольфеджио и многое других полезных предметов. Зато перебороло стойкое воспоминание о неинтересных повторениях одного и того же. Естественно, что очень скоро я выучила ноты, папа давал мне играть много произведений. Интересно, кстати, что больше всего мы с ним любили играть в четыре руки, папа даже делал специальные переложения. Например, он сделал переложение номера «Танец девушек» из балета А.И. Хачатуряна «Гаянэ». А на празднике открытия Городского Дворца пионеров на Ленинских Горах мы с моей одноклассницей Наташой Орловой исполняли номер «Пионерский поезд» из сюиты С. Прокофьева «Зимний костер», - специально для этого события папа сделал переложение для 4-х рук.

*Фото 3. Мария Кабалевская и Наташа Орлова на открытии
Городского Дворца пионеров.*

Вершиной моего «исполнительства» стала запись на Всесоюзном радио. Это случилось благодаря браку при записи одной из бесед, которую проводил папа в Колонном Зале Дома Союзов. Что-то случилось с пленкой и некоторые куски текста и музыки пришлось перезаписывать, так вот мы с папой перезаписали одно произведение.

Будучи школьницей, все летние каникулы я с родителями проводила на даче, где, естественно, тоже было рояль. В течение нескольких лет к нам приходила заниматься девочка, у родителей которой на даче не было инструмента. Конечно, папа не мог упустить такой интересной возможности – он и для нас делал простые переложения, давал разучивать уже существующие, а в последних числах августа у нас на даче устраивался концерт, на котором играла я, потом эта девочка, ставшая на долгие годы моей хорошей подругой, потом играли мы с ней, а потом – каждая из нас с папой. Приглашались соседи, рисовались программки и пригласительные билеты, папин друг либреттист Любимов писал стихотворные комментарии к каждому исполнявшемуся произведению. Заканчивался концерт вручением подарков и грамот исполнителям, после чего все шли есть арбузы, которые тогда можно было есть без боязни отравиться.

А еще я помогала папе при его подготовке к «Ровесникам». Помню, мне надо было подсчитать, сколько раз на протяжении романа Л. Толстого «Война и мир» упоминался военный оркестр, сколько раз звучал вальс, мазурка и другие танцы, какие инструменты любили разные персонажи романа. Вот это была настоящая школа!

18 августа 1962 года.

В Балогиче концертная зал Кабалевского
Консерватории (Богдана Хмельницкого, 14, второй этаж), состоялся сольный
концерт знаменитых гимназистов.

Миши и Дмитрий Кабалевских!!!

Папа! один! концерт! первый! отъезд! на! действительное (!!)
гастарбайтер в! космос!!!

Балогич будут присланы
за день до концерта

ты, тогда, когда звонка
запечателенное письмо:
10 утра, 10
на первом этаже!

Рис.1 Рисунок Миши и Дмитрия Борисовича Кабалевского.

Вспоминая об этом теперь, я особенно остро жалею, что не получила настоящего музыкального образования. И это тем более обидно, что даже невозможно себе представить, - случись это, как много папа мог бы мне дать не только как музыканту, но и просто как человеку. Как говорила моя мама, большинство людей в своем отношении к родителям проходят три стадии – «родители знают все!», «родители ничего не знают!» и «как жаль, что не с кем посоветоваться...».